

Глава 15

Переправа

Солнце палило нещадно. Температура резко подскочила, и капитан Скарпо, утирая пот со лба, навалился всем весом на узлы снастей, сплетенных из железной проволоки, промасленной пеньки и звериной шерсти.

Подобная черная работа — дело матросов, а не командира, но сейчас на борту катастрофически не хватало рук. Весь экипаж состоял из старого судового врача, придурковатого мальчишки-подмастерья, господина профессора, который заставлял всех молиться, лишь бы он снова как-нибудь не поранился, и невесть откуда взявшегося рыцаря на драконе.

Наблюдательный пост, где обычно дежурили дозорные, теперь был занят. Рыцарь, чьи некогда ослепительные золотые волосы по какой-то причине теперь были коротко острижены, стоял там в своей индиго-синей мантии, словно не замечая изнуряющего зноя, и о чем-то вполголоса переговаривался с профессором, оставшимся на палубе.

Сезон размножения был в самом разгаре. Над морской гладью то и дело проносились стаи пестрых мелких драконов, чей клекот смешивался с криками чаек — в воздухе стоял невообразимый шум. Несколько любопытных ящеров попытались спикировать к судну, но, не успев приблизиться, были отброшены порывом внезапного ветра. Кувыркнувшись в воздухе, они в панике захлопали крыльями и поспешили убраться подальше.

Моряки, чья жизнь зависела от капризов стихии, боготворили магов стихий воздуха и воды. Однако господа маги встречались редко, а те немногие, что были, обычно задирали нос так высоко, что и не взглянули бы на бедных рыбаков. Капитан Скарпо впервые за всю жизнь наслаждался присутствием мага на борту, и это невольно заставило его вспомнить «Искатель», разорванный штормом в клочья вместе с первым помощником и всей командой. Радость от скорого возвращения домой тут же омрачилась горечью утраты.

Дневное светило слепило глаза. Нова стоял на палубе; сначала он сверил координаты с Избранным богом, высчитал курс по солнцу и теням, а придя к определенному выводу, принялся отрешенно созерцать блики на воде, пока это занятие ему окончательно не наскучило. Золотые волосы Спасителя сияли на солнце так ярко, что у Новы заломило в глазах. Профессор начал всерьез тосковать по своим очкам — еще немного, и он окончательно привыкнет к этому размытому, туманному миру.

Их целью был Порт Серого Моста. Нова прикинул время в пути и понял, что Праздник Рассвета, скорее всего, уже подходит к концу. Однако он надеялся застать коллег перед их отплытием обратно, чтобы доказать: он вовсе не сгинул в пучине. Капитану и его людям тоже нужно было в Порт Серого Моста, так что они, можно сказать, просто вернулись на свой изначальный маршрут.

Что касается Избранного богом, тот вознамерился расследовать слухи об «источнике сокровищ

драконьего гнезда» и заодно разобраться с делами семьи Саман. К тому же Стена Вздохов еще не рухнула окончательно, и без его помощи судно просто не смогло бы покинуть эти воды. Своего Ветрохода, Айзеллу, он оставил в долине Асачи для защиты сородичей.

Перед самым отплытием Нова, зашедший спросить о времени отправления, застал Азуку с ножом в руках — тот примерялся к собственным волосам. Бусины из кораллов и бирюзы, вплетенные в косы, уже были сняты и аккуратно разложены на столе.

— Это вещи моей матери.

Заметив, как Нова с любопытством разглядывает старинные, грубоватые бусины, пропитанные духом чужих земель, Избранный богом великодушно позволил ему рассмотреть их поближе.

— Вкусы народа Карак, — профессор осторожно взял двумя пальцами ярко-красную коралловую бусину, украшенную причудливой волнистой резьбой. Он поднес ее к масляной лампе и, прищурившись, внимательно изучил: — Однажды ветвь народа Карак мигрировала в графство Атланка, а позже практически слилась с наталинцами. Твои золотые волосы, вероятно, наследие той крови. Видишь? Это классический орнамент морских народов. Я видел похожие узоры на ваших шерстяных носках.

Собеседник тоже склонился над столом. Какое-то время они изучали артефакт, соприкасаясь головами, пока Азука не издал удивленный возглас:

— И впрямь... У бабушки Руни тоже были золотые волосы. Никогда бы не подумал, что по одной коралловой бусине можно узнать так много. Вы действительно обладаете столь обширными знаниями?

Профессор вернул бусину в ладонь юноши и равнодушно бросил:

— Просто увидел и запомнил.

Впрочем, многие считали, что он просто выставляется напоказ. Со временем Нова перестал пытаться что-то объяснить и попросту перестал разговаривать с людьми, если только не хотел их разозлить. Так он и стал самым нелюдимым и странным профессором в Университете Белой Башни.

Он сменил тему:

— Зачем ты стрижешь волосы? И зачем собираешь обрезки?

Золотые пряди, напоминавшие струящийся солнечный свет, теперь были обрезаны до уровня ушей. Мягкие, изящные черты лица Азуки тут же стали более жесткими и мужественными — теперь он и впрямь походил на героя горячего подросткового аниме.

— В волосах мага тоже заключена мана, они могут служить проводником для заклинаний, — объяснил Азука, бережно подбирая со стола золотистые нити. — Некоторые и вовсе верят, что если сжечь волосы врага и съесть пепел, то можно заполучить его силу.

Увидев брезгливое выражение на лице профессора, Азука не удержался от смеха. Он бросил обрывки волос в пламя масляной лампы, и та на мгновение вспыхнула ослепительным светом. В этот миг Нове показалось, что перед ним настоящий кудесник из древних легенд.

— И самое главное, — добавил Спаситель тоном опытного странника, — длинные волосы требуют слишком много времени на уход. В дальнем путешествии практичность важнее красоты.

Порой соратники в прошлой жизни в шутку звали его «принцессой», и, глядя на его привычки, Нова понимал, что у них были на то основания.

Внезапно судно сильно качнуло. Погруженный в свои мысли Нова не успел среагировать и едва не полетел за борт. К счастью, Избранный богом, спрыгнувший с дозорного поста, молниеносно перехватил его за плечо. Убедившись, что профессор твердо стоит на ногах, он вежливо отпустил его.

Небо стремительно потемнело. Нова прищурился: на горизонте нарастала колоссальная тень, приближавшаяся с невероятной скоростью. Она походила на гигантскую, тяжелую грозовую тучу. Море утратило спокойствие, покрывшись рваной рябью.

— Мы входим в зону Стены Вздохов! — голос Азуки отчетливо прозвучал над самым ухом каждого на борту. — Всем живым — в трюм!

Нова почувствовал, как его ноги словно налились свинцом. Ощущение невесомости, возникающее перед тем, как волна подбросит корабль вверх, исчезло — будто невидимая сила придала ему веса и устойчивости. Матросы тоже замерли с изумленными лицами. Сомнений не было: благословение господина мага.

Они укрылись в каюте утлого суденышка, сколоченного наталинцами из кедра. На фоне ревущих валов эта скорлупка казалась крошечным зернышком, затерянным в океане. Через незакрытое окно Нова видел, как Избранный богом стоит на палубе спиной к ним. Золотые волосы яростно бились на ветру. Он вскинул правую руку, направив ее на нос корабля — и налетающие свирепые волны вдруг наткнулись на невидимую преграду. Не доходя до борта, они бессильно разбивались и устремлялись вверх, обтекая судно мутными водяными стенами.

Ужасающий рев шторма снаружи теперь доносился словно сквозь слой плотной мембраны. Неуправляемый штурвал, бешено вращавшийся секунду назад, замер, зажатый незримой волей. Дерево стонало и скрипело под чудовищным давлением.

Корабль словно поместили в стеклянный колпак, а люди внутри стали фигурками в снежном

шаре. Они кувыркались на гребнях пенных валов; вот-вот их должна была поглотить очередная водяная гора, но судно чудом выскальзывало из-под нее, проваливаясь в следующую впадину.

Хотя ноги Новы словно приклеились к полу, уберегая от падений, его начала одолевать морская болезнь. Подмастерье Баллу уже всю выворачивало наизнанку, и кислый запах рвоты заполнил тесную каюту. Прижавшись лбом к стеклу, Нова сквозь узкую щель видел, как судно обступают горы воды, и в этом сером, беспросветном хаосе единственным ярким пятном сиял золотой силуэт. А затем их корабль камнем ухнул вниз, в самую пучину, и обзор окончательно скрылся за бурлящими потоками воды, перемешанной с песком, водорослями и какими-то бесформенными, пугающими останками.

Нова слышал крики Баллу, доносившиеся будто издалека. Старый врач забился в угол, а капитан, мертвой хваткой вцепившись в раму, лихорадочно шептал молитвы богу морей Одрейсу.

Но океан не лишил их дыхания. Они находились под бурлящей поверхностью, в глубоких сумерках, над которыми смутно угадывались гребни яростных волн. Хрупкое судно заняло свое место в уникальном пространстве, отвоеванном у стихии — оно двигалось вместе с течением, подобно невесомому пузырьку воздуха.

Дверь каюты распахнулась. Избранный богом замер на пороге, а за его спиной клубился первобытный хаос водной бездны.

— Скоро это закончится, — произнес он на всеобщем языке, окинув взглядом беспорядок в каюте. Моряки взирали на него с нарастающим священным трепетом.

Затем он едва заметно улыбнулся:

— Профессор, не могли бы вы выйти на минуту?

Под пристальными взглядами матросов Нова, цепляясь за дверную ручку, выбрался наружу. С близкого расстояния этот «пузырь», состоящий из текучего, прозрачного воздуха, выглядел еще более невероятно. Профессор вспомнил старые подлодки, которые видел в военно-морском музее: людей там защищали слои тяжелой стали, а на мир они смотрели через крошечные иллюминаторы. Здесь же их отделял лишь вихрь сжатого воздуха, открывая взору все ужасы и величие океана.

Что-то мягко коснулось его щеки. Профессор растерянно моргнул и повернул голову. Он встретился взглядом с синими глазами, которые в этой черноте казались неестественно яркими и прекрасными.

— У вас щека в крови, — мягко сказал Азука.

Он не стал говорить Нове, что в его дымчато-серых глазах, обычно холодных, сейчас горел огонь такого неистового любопытства, какого Азука не видел никогда прежде.

Нова коснулся влажного места под глазом и почувствовал резкую боль. На перчатке остался след свежей крови.

— Должно быть, зацепил занозу на оконной раме, — небрежно бросил он. — Зачем вы меня позвали?

— Хочу подтвердить одну догадку, — Избранный богом быстро оценил состояние профессора и, убедившись, что рана пустяковая, облегченно выдохнул. — Просто побудьте со мной на палубе.

Он давно не действовал плечом к плечу с обычными людьми, особенно с такими «хрупкими» аристократами. Наталинцы почитали его и редко брали с собой на охоту или промысел, а сам Азука не хотел, чтобы племя становилось слишком зависимым от его силы. Он знал, что уйдет, и его задачей было лишь решение тех проблем, с которыми сородичи не могли справиться сами.

Даже самые маленькие наталинцы росли среди лесов и гор, были крепкими и привычными к боли. Сам он, будучи «Маленькой птичкой», в детстве побил всех сверстников, и взрослые лишь смеялись, не принимая это всерьез. Профессор же на их фоне казался представителем какого-то редкого, исчезающего вида, требующего особой заботы.

<http://bllate.org/book/15312/1354371>